

ВВЕДЕНИЕ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА РУБЛЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ОСЕТИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Чшиева М.Ч.

ГБУ «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания», Россия, г. Владикавказ, e-mail: hacht@mail.ru

В статье рассматриваются последствия заимствования русскими либеральными реформаторами 60-х гг. XIX века западных экономических рецептов модернизации (индустриализации), которая якобы не могла обойтись без широкого привлечения иностранного капитала. Результатом этой экономической политики стало введение золотого стандарта рубля в 1897 г., что привело к установлению долговой внешней зависимости России от иностранного капитала. Для комплекса горнопромышленных предприятий Осетии (Садонского рудника, Алагирского серебросвинцового завода) вышеуказанные процессы привели не только к убыточности предприятий, из-за резкого обесценивания выпускаемого предприятиями серебра, но и ускорили их переход из государственной собственности в аренду в частные руки, поскольку якобы государство не могло быть эффективным собственником, а затем и к установлению иностранного контроля над этими стратегически значимыми для России предприятиями (выплавляемый на заводе свинец был востребован военным ведомством, а цинк Россия завозила из-за границы).

Ключевые слова: золотой стандарт рубля, предприятия общества «Алагир», Садонский рудник, Мизурская обогатительная фабрика, Владикавказский серебросвинцовый завод, Льежский банк, Г. Дюкенн.

THE INTRODUCTION OF THE GOLD STANDARD OF THE RUBLE AND ITS IMPLICATIONS FOR MINING COMPANIES OSSETIA IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURY

Chshieva M.C.

Institute of history and archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, e-mail: hacht@mail.ru

The article examines the effects of borrowing by the Russian liberal reformers of the 60-ies of the XIX century, Western economic prescriptions of modernization (industrialization), which supposedly could not do without the wide involvement of foreign capital. The result of this economic policy was the introduction of the gold standard for the rouble in 1897 which led to the establishment of external debt dependence of Russia on foreign capital. For the complex of mining enterprises Ossetia (Sadon's mine, Alagir cerebrovascular of the plant) the processes mentioned above led not only to loss-making enterprises, because of the sharp depreciation of produced silver, but also accelerated their transition from state ownership to rent in private hands, because, allegedly, the state could not be an effective owner, and then to the establishment of foreign control over these strategically important Russian enterprises (investment on plant lead, was demanded by the military Department, and the zinc Russia were imported from abroad).

Keywords: the gold standard of the ruble, companies the «Alagir», Sadon's mine, Mizur's concentrator, Vladikavkaz cerebrospinalis plant, Liège Bank, G. Ducan.

От духовного фундамента общества зависит его экономическая, политическая и культурная жизнь. К середине XIX века русское общество после поражения в Крымской войне в поисках выхода из кризиса обратило свой взор на Запад за европейским опытом.

Цель статьи: проследить на примере горнопромышленных предприятий Осетии, как духовно-нравственные ориентиры общества оказывают влияние на его экономическую жизнь, как заимствование ценностей западного потребительского общества, его либеральных теорий (о невмешательстве государства в экономику, отказ от национально-ориентированной модели экономики, надежда на спасительную роль иностранных капиталов и введение

золотого стандарта рубля) отразились на деятельности предприятий Осетии в конце XIX - начале XX века. В рассматриваемое время Северная Осетия входила в состав Терской области и охватывала города Владикавказ и Моздок, Владикавказский округ, части Моздокского и Сунженского округов.

В пореформенной России середины XIX века за образец были взяты духовные постулаты западно-просвещенческой мысли о свободе личности, идеи «богоравности» человека. Европейское общество переживало сложные процессы, когда «Просвещение и Французская революция усилили и катализировали параллельно идущие процессы: опустошение души и обожествление земной природы, идея богоподобия уродливо трансформировалась в богоравность, достигла апогея в концепции человекообожия...» [4, с. 31]. Европейский опыт ориентировал человека на преобразование внешнего мира, в то время как русский человек в первую очередь был ориентирован на внутреннюю работу, борьбу со страстями, духовное совершенство. У русского человека (человека русской цивилизации) была своя иерархия ценностей: духовные были выше материальных. А западные теории стимулировали человека к потреблению, но именно влиянию этих либеральных теорий оказалось подвергнуто русское общество середины XIX в. Теории «естественного отбора» Дарвина прямо проецировались на человека и общественную жизнь («теория конкуренции» между товаропроизводителями). По выражению А.С. Панарина, в эпоху модерна в западных странах складывается общество «социал-дарвинизма» [7]. О том, что погоня за материальными ценностями поразила и верхи русского общества эпохи либеральных реформ, ярко иллюстрирует решение о продаже Аляски, «...принятое на встрече двух фигур банковского мира в мае 1864 г. (договор с США оформлен в 1867 г.) - Джеймса Ротшильда и барона Александра фон Штиглица ("придворного банкира" Российского императора, и управляющего Государственного банка), 7,2 млн долл. только за сухопутную территорию в 1.519.000 кв.км (не считая береговой полосы), т.е. стоимость 1 кв.км. составила 4 долл. 73 цента... Полученные деньги стали расхищаться на самом верху не отходя от кассы и в Россию не поступили, так что общественность была в полном неведении о том, кто положил к себе в карман деньги за Аляску. Это прекрасно организованная финансовая операция А. Штиглица и М.Х. Рейтерна» [5, с. 127-129].

Наряду с духовными ориентирами были заимствованы западные финансово-либеральные теории, согласно которым рынок все «сделает сам». «Место серьезных министров-хозяев, вроде Е.Ф. Канкрин, П.Д. Киселева, заняли совершенно легкомысленные люди, отрицавшие даже идею руководства народным хозяйством» [6, с. 32]. Управление перестало существовать. Команда «молодых финансистов» с «новым мышлением» (министры финансов при Александре II П.Ф. Брок (1852-1858), А.М. Княжевич (1858-1878),

М.Х. Рейтерн (1862-1878), С.А. Грейг (1878-1880), А.А. Абаза (1880-1881)) в XIX в утверждали, что «свободной игре рыночных сил не надо мешать» (т.е. «не мешать биржевикам и ростовщикам заниматься рыночным разбоем»). Известный русский предприниматель Василий Кокарев писал, что «"новые финансисты" эпохи Александра II сговорились с нашими западными завистниками... проводить идею... о невозможности Верховной власти разрешать - без потрясения финансов - печатание беспроцентных денежных знаков на какие бы то ни было производственные и общепользные государственные потребности... Мы могли бы на эти деньги построить дома у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно почему и зачем, не решались отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу Всероссийского правления, и всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений... Теперь мы взвалили на народную спину такой долг по платежу, который поглощает почти треть из общих итогов государственных доходов» [5, с. 38]. То есть, согласно этим теориям, государству надо минимально вмешиваться в экономику: в экономике не должно быть избытка денег, чтобы на смену деньгам пришло золото, которое обеспечит автоматически снабжение экономики необходимым количеством денег [5, с. 18-19]. В 1860 г. в результате проведения финансовой реформы эти либеральные идеи стали претворяться в жизнь на российском экономическом пространстве, российский рынок был открыт для притока иностранного капитала, рубль стал конвертируемым.

Особенно тяжелые последствия для русской экономики имело введение золотого стандарта рубля, проведенное С.Ю. Витте. «В результате Россия "подсела" на "золотую иглу" Ротшильдов. За период 1895-1914 гг. внешний долг России, получившей целый ряд крупных кредитов в Лондоне и Париже, вырос с 1,7 до 4,2 млрд руб., при этом доля внешнего долга в общем объеме государственного долга России выросла с 30 до 48%. Накануне Первой мировой войны Россия имела самый большой внешний долг. Расходы на обслуживание гигантского внешнего долга с 63 млн руб. в 1895 г. подскочили до 194 млн руб. в 1894 г. Столь серьезная зависимость России от внешних долгов стала одной из причин трагических событий в истории нашей страны в начале прошлого века» [6, с. 649-650]. О том, что главным фактором финансовой зависимости страны являлись заграничные займы царизма, убедительно показали исследования Б.В. Ананьича «Россия и международный капитал 1897-1914: Очерки истории финансовых отношений» и др. Профессор В.Ю. Катасонов считает, что введение золотого стандарта стало «смертельно опасным шагом, который привел Россию к 1917 г... Любой грамотный финансист понимает, что если ты вводишь золотой стандарт, значит ты подсаживаешь свою экономику, свои финансы на иглу золотых кредитов... В результате этой политики Россия начала XX в. по внешней

задолженности оказалась на первом месте... иностранные инвесторы во многих отраслях российской промышленности захватили более половины всего уставного капитала... осложнялись возможности экспорта из страны (особенно зерна)» [6, с. 344]. Цитируя русского экономиста Шарапова, В.Ю. Катасонов поясняет, что «золотая валюта была решена графом Витте единолично и введена явно недобросовестным способом в обход Государственного совета и в нарушение прямой воли Государя. ...Граф был лишь проводником решения Ротшильдов» [5, с. 348]. С французским банкирским домом С.Ю. Витте был связан через агента Министерства финансов А.Г. Рафаловича (с 1894 по 1917 г.), директоров Санкт-Петербургского Международного коммерческого и Русско-Азиатского банка Адольфа Ротштейна и Германа Спитцера («его родной брат Жак Спитцер был уполномоченным крупного французского банкирского дома "Н.Ж. и С. Бардак", а другой его родственник – Адольф Спитцер руководил германским бюро парижского банкирского дома Ротшильдов». Из переписки между А. Ротштейном и Г. Спитцером в 1895 г. видно, что принятие решение о введении золотого стандарта Витте согласовывает с улицей Лафит (Ротшильдами): «указ, которым фонд золотого обеспечения Государственного банка увеличивался... а жалкие остатки серебра из фонда удаляются... это лишь шаг по данному пути и за ним последуют другие, если только милостивый Бог будет в добром здравии, то есть улица Лафит останется в хорошем расположении духа и поддержит эти шаги». «У Ротштейна уже были хорошо налаженные личные связи с С.Ю. Витте, который в 1891 г. был еще министром путей сообщения, а со следующего года стал министром финансов... Для Ротштейна характерно стремление опереться, подобно Витте, как на немецкий, так и на французский банковский капитал одновременно». Составитель сборника документов о деятельности А. Ротштейна и Г. Спитцера в России И.А. Дьяконова обращает внимание на то, что крестьянская реформа, строительство железных дорог в России финансировались при размещении займов правительства через международный банковский синдикат с участием немецких банкиров «Мендельсон и Ко», «С. Блейхредер», «Дисконто-гезельшафт» и французских Ротшильдов. Российские землевладельцы в результате иностранных займов постепенно разорялись и попали в зависимость от иностранных банков, поэтому профессор Ю.В. Катасонов обращает внимание на то, что «финансовый щит для страны не менее важен, чем ядерный». Золотые займы царского правительства, заводящие Россию в долговую петлю, были выгодны правительственным чиновникам, так как иностранные банкиры щедро оплачивали расходы по их денежному подкупу. Так, за размещение одного только 3-процентного золотого займа на сумму 43 млн франков предшественник Витте министр финансов И.А. Вышнеградский получил от французских и немецких банкиров «вознаграждение» (Vergütung) в размере 180 тыс. франков... [8, с. 53-56].

Таким образом, «создание дефицита денег было выгодно тем, кто торгует деньгами, т.е. ростовщикам, это угнетает главный экономический ресурс общества – труд» [6, с. 63 Цитата Катасонова В.Ю. по С.Ф. Шарапову (1855-1911), русскому экономисту]. «Русский народ, как мог, сопротивлялся подобного рода дефляционным экспериментам, проводимым финансовыми властями: создавал кредитные кооперативы и общества взаимного кредитования. Купцы и предприниматели, где могли, замещали деньги векселями или бартером. А некоторые наиболее энергичные предприниматели даже создали свои деньги. Наиболее яркий пример - деньги С.И. Мальцова... Русский промышленник, кавалергард, генерал-майор в отставке, почетный член Общества содействия русской торговли и промышленности... создал и использовал собственные деньги в своем достаточно автономном хозяйстве, которое раскинулось в нескольких губерниях и включало несколько десятков фабрик, заводов и иных предприятий. Эти местные деньги назывались денежными расписками Мальцовского заводского округа и ходили в этом округе наряду с законными кредитными билетами» [5, с. 61].

Материал исследования. Введение золотого стандарта рубля и широкого доступа иностранного капитала на российский рынок больно ударило по крупному казенному предприятию Осетии, пущенному в 1853 г. - Алагирскому серебросвинцовому заводу и связанным с ним Садонскому руднику и Мизурской обогатительной фабрике. До введения золотого стандарта рубля серебро с алагирского завода закупало казначейство, и оно поступало на Монетный двор для чеканки серебряной монеты. Еще на этапе подготовки к введению золотого стандарта в 1892 г. за пуд серебра, вырабатываемого Алагирским заводом, казна стала платить вместо 1270 руб. - 910 руб., а затем 600 руб. Это привело к убыточности казенного предприятия, так, что министерство финансов потребовало закрытия завода или восстановления рентабельности предприятия. Свинец был востребован военным ведомством, а цинк на заводе не находил применения, считался помехой в выработке серебра и выбрасывался как отход в отвал. «Колоссальная гора цинковой обманки давила миллионом пудов территорию рудника, осыпалась, скатывалась в реку Садонку, утрамбовывала Военно-Грузинскую дорогу [9, с. 68]. То есть в условиях обесценивания серебра производительность завода, без выработки цинка, становилась убыточной. Самое интересное, что Россия завозила цинк из-за границы.

В конце XIX в. производства цинка в Европе было монополией бельгийских капиталистов. Бельгийское общество *Jine de Campine* в Бюдели (на границе Бельгии и Голландии) послало своего представителя Н.В. Фильковича, лейтенанта запаса флота на Кавказ. В 1890 г., когда Филькович попал на Садонский рудник, он сразу же (в 1891 г.) получил право у Горного департамента использовать накопившуюся в отбросах завода

цинковую обманку [9, с. 46] и отправлять через Новороссийск за границу. На экспорте в Бельгию цинковой обманки, шедшей раньше на Садонских рудниках в отвал, Н.В. Филькович сколотил целое состояние.

К этому времени в правительственных кругах сложилось мнение о том, что причиной убыточности предприятий является их принадлежность государству. Н.В. Филькович воспользовался этим и начал добиваться, чтобы Садонский рудник оказался в частных руках. Фильковичу удалось убедить правительство, что бельгийский капитал построит большой цинково-дистилляционный завод и избавит российскую промышленность от импорта цинка. «Он заключил контракт с департаментом на 60 лет о передаче ему в аренду Садонского рудника, Алагирского серебряно-свинцового завода, а также прилегающего к ним участка Цейско-Кассарской лесной дачи, площадью около 2929 дес. Контракт предусматривал уплату в казну арендатором с каждого пуда свинца и глета по 20 коп. с каждого пуда чистого серебра по 100 руб. и с пуда цинковой руды по 8 коп.» [1, л.л. 7-9].

В 1896 г. с согласия правительства было учреждено русско-бельгийское «Горнопромышленное и химическое общество «Алагир» с капиталом в 4,5 млн руб., Российским подданным принадлежало 40% акций, бельгийцам - 30% (Льежскому и Брюссельскому банкам), французским – 12%, голландским – 9%, немецким - 7%, английским – 2%. Параллельно в г. Льеже существовало другое правление во главе с Ф. Сепюлькром [10, с. 102]. Новые хозяева не спешили с интенсификацией производства, так как производство цинка в Европе было монополией бельгийских капиталистов, они боялись, что при внедрении новых технологий в переработке цинка в России завод в Осетии мог стать серьезным конкурентом подобных предприятий в Бельгии. Поэтому бельгийцы основное внимание сосредоточили на увеличении добычи руды, в 1897 г. закрыли серебряно-свинцовый завод в Алагире и свинцовые концентраты отправляли для плавки в Бельгию, то есть грубо нарушили условия контракта... Для увеличения добычи руды из Бельгии прибыли специалисты во главе с новым директором рудника Дезире Харига – бельгийским подданным испанского происхождения «с характером взбесившегося зверя» [10, с. 89]. Уволив старых рабочих и увеличив число рабочих до 400 человек, а продолжительность рабочего дня с 8 до 12 часов, введя бесчисленные штрафы, довел добычу руды в 1898 г. до 751.443 пуд., которая шла на экспорт в Бельгию. Харига получил благодарность от директора-распорядителя о-ва «Алагир» в Бельгии Ф.Ф. Сепюлькра, который обещал хлопотать о награждении его орденом за заслуги в развитии горнозаводского дела в России. По этому поводу горный инженер Терского областного правления Омаров писал директору горного департамента: «В чем заключается заслуги названного Харига по развитию горнозаводского дела в России мне положительно неизвестно; деятельность его в

этом отношении выразилась лишь в проводке обыкновенных штолен с примитивными откаточными путями. Единственная новость – передача силы на расстояние, от двигателя на обогатительную фабрику – устроена специально для этого командированными инженерами, без всякого участия Харига. Отношение названного заведующего к рабочим самое нежелательное и скорее заслуживает порицания, а не поощрения. Более 100 человек старых опытных рабочих оставили работу на Садонском руднике благодаря Харига. Последний один из главных противников существования Алагирской горнозаводской кассы, которая потеряла по милости Харига более 150 человек участников, число членов этой кассы не более 16 человек. В общем, положение рабочих на Садонском руднике хуже, чем на других рудниках и промыслах. За нарушения правил о найме рабочих Харига обвиняется и оштрафован присутствием по горнозаводским делам больше чем на 2000 руб. По пяти несчастным случаям со смертельным исходом Харига находится под следствием» [2]. То есть для Бельгии заслуги Хариги были очевидны, чего нельзя сказать о заслугах перед Россией и Осетией.

Когда курс акций общества стал падать, акции общества не покупались, тогда созрело решение о строительстве нового завода во Владикавказе, которое всячески затягивалось. Продолжалась отправка сырой руды в Бельгию. Филькович обратился в Министерство земледелия и государственных имуществ с просьбой о снижении арендной платы, но ему было отказано. В 1901 г. Льежский банк предоставил кредит в 1,5 млн руб. Построив в 1901 г. во Владикавказе новый завод с серебряноцинковым и цинковым цехами, бельгийцы установили в них устаревшее оборудование, «снятое с соответствующих заводов Западной Европы, в том числе Бельгии, и основанное преимущественно на применении тяжелого физического труда». Применяя устаревшее оборудование, которое давало возможность извлекать только 37,5% цинка, большую его часть выбрасывали в отвал со шлаком-раймовкой. Была построена Мизурская обогатительная фабрика, мастерские и электростанции на заводе во Владикавказе. В 1902 г. Владикавказский завод дал первую продукцию [9, с. 73].

Вскоре касса общества снова опустела, Филькович обратился за кредитом в 500 руб. к директору Льежского банка Г. Дюкенну. Но Г. Дюкенн не только отказал, а потребовал немедленно вернуть долг 1,5 млн руб. Филькович также обратился к министру финансов С.Ю. Витте и директору Государственного банка за ссудой в 1 млн руб., ему было отказано. В январе 1903 г. общество прекратило платежи по акциям, все работы на руднике были остановлены, рабочие уволены. Акционеры за бесценок спешили избавиться от акций, которые скупил Г. Дюкенн, став фактически хозяином предприятия [9, с. 84]. Эти схемы захвата предприятий часто применяют и современные банки. Все управление делами

общества «Алагир» было предоставлено Г. Дюкенну без всякого вмешательства со стороны акционеров.

Как писал во время Первой мировой войны в 1916 г. один из русских акционеров общества «Алагир» коллежский советник А. Скарон наместнику Его Императорского Величества на Кавказе, «акционеры не только были совершенно устранены от всякого участия в деле, но общее собрание акционеров ни разу не созывалось администрацией... Скупив за бесценок значительную часть акций о-ва, заключив с ним явно убыточный для него договор, г. Дюкенн образовал в Бельгии особое бельгийское о-во, тесно связанное с русским, как это усматривается при внимательном рассмотрении отчетов администрации. В то же время Льежский банк уступил часть акционерного о-ва группе германских капиталов, поставивших в качестве одного из администраторов своего уполномоченного германского подданного Зауера, пребывавшего много лет в этой должности и незадолго до самого начала войны уехавшего в Германию. В настоящее время, по частным сведениям, акции бельгийского о-ва также попали в руки немцев, и таким образом фактическими владельцами русского предприятия являются подданные враждебной нам державы, а акционеры, вложившие в предприятие свои средства, и в числе которых состоят высочайшие особы, лишены всякого права принимать участие в судьбах этого дела. Богатейшие на Кавказе цинковые и серебросвинцовые рудники не эксплуатируются надлежащим образом, несмотря на присутствие на них цинкового свинцового и химического заводов, а государство в настоящее время ощущает острую нужду в этих металлах и главным образом в химических продуктах, вырабатываемых заводами общества» [3]. Таким образом, переход стратегических предприятий в руки иностранного капитала создавал угрозу национальной безопасности страны, для ее национальных интересов, а с учетом иностранных займов России, которые она вынуждена была делать из-за перехода на золотой стандарт, привел страну к катастрофическим последствиям - втягиванию России в Первую мировую войну, а затем и к революциям 1917 г.

По мнению профессора И.Я. Фроянова, мировой финансовой олигархией преследовалась цель – расчленение России, что стало предметом обсуждения во время Версальской конференции 1919 г. [10].

Либеральные западные теории XIX в., так же как и заимствованные российскими учеными в 90-х гг. XX в., не раскрывали секреты успеха индустриализации западных стран, то, что ни одна из них не могла провести модернизацию в условиях открытой экономики. Так, индустриализация Англии в конце XVIII в. проводилась в условиях жесткого протекционизма, после чего она превратилась в «мастерскую мира». В истории XX века секретами «японского чуда» стали «строжайший государственный контроль над экспортом

капитала и эффективный государственный протекционизм национальной промышленности». Транснациональные компании не допускались в Японию до тех пор, пока национальная промышленность не была готова с ними конкурировать. А.С. Панарин обращает внимание на тот факт, что «современная либеральная теория сознательно замалчивает действительные предпосылки «тихоокеанского чуда» – послевоенного подъема Японии, Южной Кореи, Тайваня. И это понятно: этот подъем совершен по рецептам, прямо противоположным основным постулатам либерального анархизма. Вместо потребительского эгоизма, освобожденного от необходимости подчиняться коллективным приоритетам, «тихоокеанские тигры» уповали на жертвенность и национальное самолюбие, требующее скорейшего подъема их обществ. Не было ни общества привилегированного потребления, ни перекачки доходов за рубеж. То есть в условиях открытой экономики с заимствованными либеральными установками на воспитание потребительского эгоизма Россия превращалась в поле для грабежа западных финансистов. «Либерально настроенная интеллигенция пыталась преодолеть "традиционный менталитет" других народов, навязать им гонки "догоняющего развития" – будто и в самом деле история развивается только в одном-единственном, определенном на Западе направлении, и потому весь мир обречен стать адептом Запада. Ни плюрализма культуры, ни плюрализма путей истории западный либерализм не признает, и в этом вполне обнаруживается его нереструктурный характер» [7].

Методы исследования. Автор, сопоставляя процессы модернизации России с английской, японской и моделями других стран и анализируя впервые вводимые в научный оборот архивные источники по экономике Терской области, применяет **сравнительно-исторический метод исследования**.

Результаты исследования и их обсуждение. В работе подводятся некоторые итоги финансово-экономических реформ на окраинах Российской империи (Терская область) в XIX – начале XX века. В начавшейся более 100 лет назад (В. Кокорев, С.Ф. Шарапов и др.) и продолжающейся до сих пор дискуссии (В.Ю. Катасонов, И.Я. Фроянов и др.), о результатах реформ С.Ю. Витте по введению золотого стандарта и привлечению иностранного капитала в Россию автор, на основе анализа источников по горнорудной промышленности Осетии конца XIX – начале XX века, подтверждает выводы, ранее высказанные доктором экономических наук В.Ю. Катасоновым, доктором философских наук А.С. Панариным, доктором исторических наук И.Я. Фрояновым и другими представителями русской экономической и исторической мысли.

Выводы. «Русская модель хозяйственного развития (сюда органично вошли все хозяйственные организмы территорий Российской империи – М.Ч.) развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи,

трудовой демократии, местном самоуправлении... капиталом являлась производительная часть собственности, направленная на производство; капитал, отдаваемый в рост, рассматривался как паразитический... особенности организации труда и производство – трудовая и производственная демократия. Русская экономическая мысль не сводила хозяйственную деятельность только к деньгам, к подсчету прибылей и убытков, не отделяла финансовые итоги от духовно-нравственных ценностей, всегда имела перед собой высокий идеал... Экономика не может иметь цель только экономического роста. Экономический рост может достигаться за счет производства алкоголя... увеличения добычи и экспорта полезных ископаемых... в ущерб будущим поколениям. Рост часто достигается таким способом, что, обогащая правящую элиту, не ведет к повышению уровня жизни рядовых граждан... Поэтому для нашей экономики должен стать характерным не цикл "деньги – товар – больше денег" (по К. Марксу - М.Ч.), а цикл совсем другого рода: "человек – производство – более совершенный человек"» [5, с. 98-100].

По мнению автора, заимствование западных либеральных ценностей, отказ от национально ориентированной модели экономики, расчет на использование и бесконтрольное привлечение иностранных капиталов и переход для этого к золотому стандарту рубля создают угрозу национальной безопасности страны.

Список литературы

1. ЦГА-РСО-А. Ф.11, оп. 5, д. 308.
2. ЦГА РСО-А. Ф. 169, оп. 1, д. 522, л.л. 91-92.
3. ЦГА РСО-А. Ф. 169, оп. 1, д. 66, л.л. 113-113 об.
4. Воронин С.А. Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. Экстаз гордыни человеческой. Реформация, Гуманизм, Просвещение и капитализм // Вестник РУДН. – 2014. - № 4. - С. 10-31.
5. Катасонов В.Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. - М. : Институт русской цивилизации, 2014. - 656 с.
6. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». - М. : Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.
7. Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиции : учебник для вузов. - URL: [www. http.://fanread.ru/book/7716694](http://fanread.ru/book/7716694).
8. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Адольф Ротштейн. Герман Спитцер. Рудольф Дизель. - М. : РОССПЭН, 1996. – 312 с.

9. Тэсич Вольный. История Серебросвинцово-цинкового завода «Севкавцинк» // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. - Орджоникидзе, 1934. - Т. VII. - 252 с.
10. Фроянов И.Я. От Версаля до Вискулей // Файл-РФ : ежедневная электронная газета. - 23.12.2011. - URL: <http://www>.

Рецензенты:

Айларова С.А., д.и.н., профессор, зав. отделом истории ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания», г. Владикавказ;

Хубулова С.А., д.и.н., профессор кафедры новейшей истории и политики России ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ.